

Не новый Чернобыль

После Чернобыльской катастрофы 1986 года тысячи людей бежали из "зоны". Некоторые из них осели в Островце - городке на границе Белоруссии и Литвы. В 2008 году, когда власти решили именно в Островце построить новую АЭС, здешние чернобыльцы были в смятении. Теперь они как-то свыклись. Юлия Вишневецкая побывала в Островце и пообщалась с ними.

текст: Юлия Вишневецкая

"Отсель грозить мы будем литовцам" - так бывший председатель Верховного совета Белоруссии Станислав Шушкевич определил местоположение атомной станции, строящейся на кредитные деньги РФ в окрестностях города Островец. Будут ли литовцы бояться, пока неясно, но, действительно, ближайший крупный город здесь - столица Литвы: до Вильнюса всего 40 километров, до областного центра Гродно - 240, до Минска - 160. Чтобы попасть в Островец на поезде, не получая разрешение на въезд в погранзону, нужно купить в Минске билет до Вильнюса и выйти на погранично-таможенной станции Гудогай, находящейся в трех километрах от Островца.

Город уже пару лет живет в предвкушении изменений, которые принесет строительство АЭС: в этом районе нет почти никаких предприятий, и соседство с Евросоюзом - основной источник дохода для большинства местных жителей: "Граница - наша кормилица. Туда везем топливо, водку, сигареты, оттуда - все остальное. Как ни странно, там все продукты гораздо дешевле. Заправляешь полный бак, там продашь по дешевке, немножко оставишь, чтобы назад доехать, продукты закупишь и домой - так и живем". Связи с Польшей и Литвой здесь гораздо теснее, чем с Россией: почти у всех пожилых жителей польские корни, многие родились на литовской территории и переехали в Белоруссию в советское время.

В Островце уже построен информационный центр, где организуют экскурсии по будущей АЭС, и несколько многоквартирных домов для атомщиков. К стройплощадке ведет хорошая новая дорога, но сама АЭС еще в зачаточном виде: пока что строятся административные корпуса и расчищается площадка для энергоблоков. В непосредственной близости от площадки - вымирающая деревня Шульники: десяток бабушек с колоритной белорусской речью, заросшее польское кладбище, автолавка по

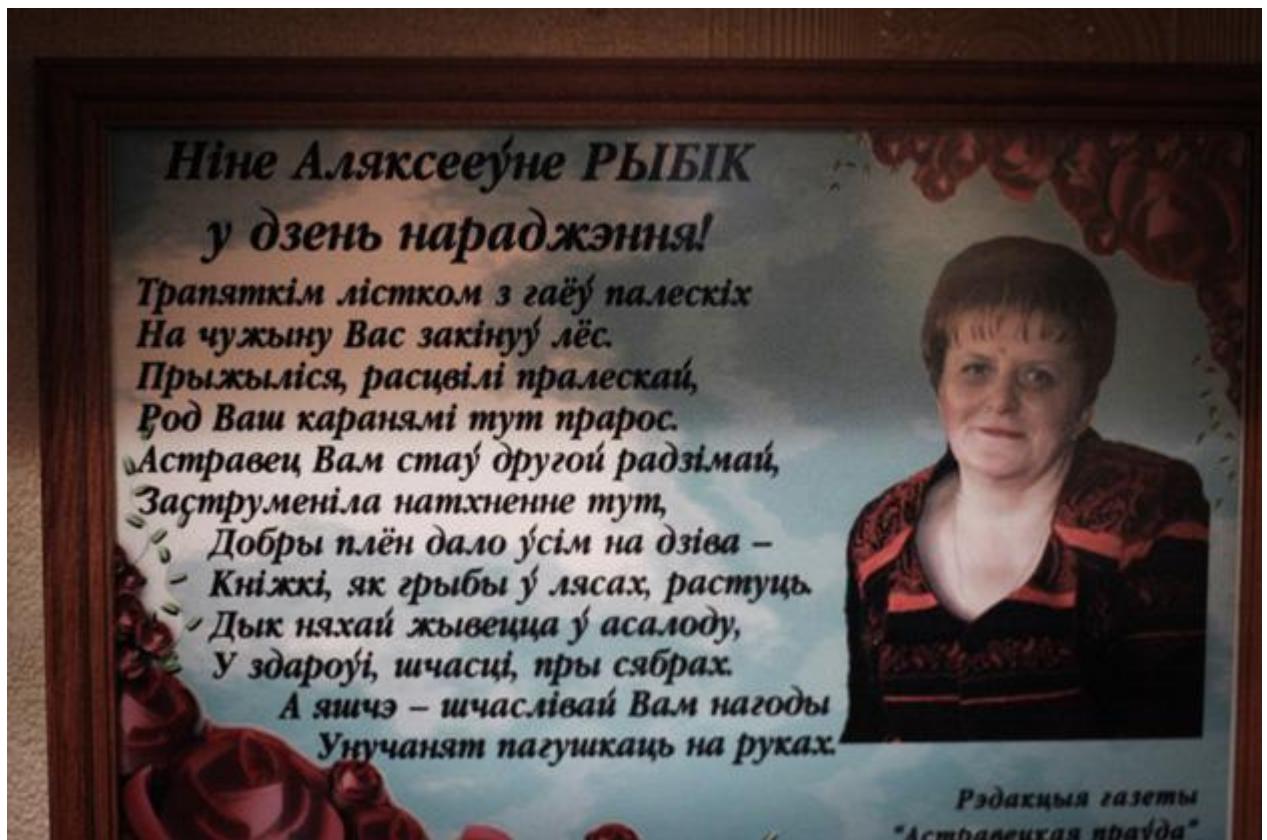
четвергам. Проблема кладбища интересует старушек гораздо больше, чем перспективы белорусской энергетики: "Хорошее кладбище, и могилки хорошие, обгорали яго, обгорали, а дорогу загорали, не проихать совсим. Завтра ксендз приедет, трэба яго машину ставить вот тут, а дальше ийсти. Что за председателька сельсоветская?" Будут ли их отселять? "Никто нэ ведае, никто ничего не каже, може вы знаете? Ну доведайте, напишите в газету..."

Я иду на площадку мимо коровников, через мокре от росы картофельное поле. Там работают несколько экскаваторов, необщительные механизаторы говорят, что приехали из-под Минска, работают вахтовым методом. На обратном пути меня уже встречает милиция: оказывается, ксендз в соседней деревне видел, как я выходила, чтобы сфотографировать красивый польский костел, занесенный в список ЮНЕСКО. Участковый - сама учтивость, не поленился поехать за 7 километров меня искать. Он очень вежливо просит у меня журналистское удостоверение, очень вежливо пишет с моих слов разъяснение и очень вежливо просит удалить все сделанные на площадке фотографии. Я делаю вид, что удаляю, и мы вежливо прощаемся.

Таксист Пал Палыч, который везет меня обратно в Островец, рассказывает, что, оказывается, здесь есть два так называемых "чернобыльских дома": их жители переехали сюда из загрязненного поселка Хойники Гомельской области.

"Всю жизнь преследует меня этот мирный атом, - говорит Пал Палыч, - сначала Чернобыль, у меня жена была тогда беременная, мы сразу в Россию уехали. Потом какое-то время работал на Ямале, там проводились ядерные испытания. Вернулись в Белоруссию, поселились здесь, - и вот на тебе пожалуйста: и здесь строят станцию".

В одном из "чернобыльских" домов живет Нина Рыбик, главный редактор "Островецкой правды". Я ожидала от нее таких же полумистических рассуждений, что атом ее "преследует". Но ход ее рассуждений оказался на удивление pragматичным:

"На самом деле чернобыльцы разъезжались по всему Союзу. Просто не везде они живут так компактно. В Белоруссии в любом населенном пункте спроси, где тут чернобыльцы - везде найдешь.

...Хойники находятся в 50 километрах от станции. А моя родная деревня - на самой границе с Украиной, в семикилометровой зоне. В 86-м году я работала в Хойниках в районной газете корреспондентом. У меня были маленькие дети - сыну было два и четыре, дочке - год и два. В тот день было солнечно, тепло, мои маленькие дети гуляли, я тоже разделась, загорала. И вот соседка мне говорит: я слышала, в Чернобыле что-то взорвалось. Ну взорвалось и взорвалось. Назавтра пришла на работу - уже было все как в потревоженном улье. Пришла информация, но не официальная. И люди не знали, что делать. Слухи одни страшнее другого, никто ничего не объясняет. День, другой, третий. Знакомая, которая работала в аптеке, сказала, что райкомовские жены скапают все йодистые препараты. Она мне их тоже дала и объяснила, как это принимать. Я и сама принимала, и детям давала. А потом мы спонтанно решили, что надо куда-то ехать. Я даже с работы не отпросилась, не написала заявление. У меня руководитель был не жесткий. А потом уже оказалось, что всем за это время дали оплачиваемые отпуска.

Как мы ехали - это отдельный разговор. Вокзалы были - как во времена гражданской войны. Билетов не было никаких. У меня маленькие дети - один на руках, второй за руку. Но накануне появилась первая официальная информация - что обстановка нормализуется, пожар локализован. И люди пошли сдавать билеты. И мы купили эти билеты - два места на троих. Автобус был забит, люди стояли. А уже после майских - вообще ни на поездах, ни на автобусах из Хойников было выехать невозможно. Пока мы жили под Минском у брата, оттуда вывезли все школы, все детские сады. Причем детей вывозили без родителей, только с воспитателями. Сначала забрали детей, потом скот, потом взрослых.

Месяц мы жили в квартире у брата. Я еще взяла с собой сестру мужа с ее тремя детьми. Их четверо и нас трое. Ну сколько так можно? Пожили еще три месяца в санатории под Витебском. А потом таких, как мы, дезертиров, стали собирать обратно. К сентябрю нам сказали, что все локализовано. И еще три с половиной года - до 89-го - мы жили в Хойниках. А потом - гласность, перестройка, развал Союза - и нам стали чуть-чуть говорить правду. Я была на первом заседании, где были обнародованы карты загрязнений. Тогда мы узнали, что все нормы, про которые нам говорили, допустимы только временно. Началось состояние паники, все говорили только об одном - куда уезжать. Я села на телефон и стала обзванивать редакции по всей Белоруссии: вам нужен человек? А жилье есть? И в Островце мне редактор сказал - приезжайте, что-нибудь придумаем. И дал нам общежитие сразу. А потом строительная организация, где работал мой муж, буквально через полгода, тоже переехала сюда.

В этом районе всегда были проблемы с кадрами. Литва же рядом, и все кадры уходили в Вильнюс. Там и зарплаты выше, и уровень жизни.

У всех было право на свободное отселение. Никакого жилья нам как чернобыльцам предоставлено не было - бригада моего мужа сама построила эти два дома, это было первое, что они здесь сделали. Но если сдавали государству свое жилье - то за это выплачивали компенсацию. Мы за квартиру в Хойниках получили деньги и купили на них велосипед. Были очень счастливы, что успели.

...Отец в свои 83 года - дай бог каждому. Дело в том, что он в 86-м году работал токарем и все это время был в кирпичном здании. А мама все эти дни просидела на огороде - сами понимаете, земля, ветер. У нее очень быстро развился зоб щитовидки. Ее прооперировали в 90-м году, но не назначили гормоны. Она чуть не умерла - только потом уже здесь ей объяснили, что надо принимать гормоны. Но она прожила еще достаточно долго, умерла в 80 лет.

Вообще мои ненаучные наблюдения такие: те, кто в момент аварии были детьми, теперь создали свои семьи, у них дети, у них все нормально. Те, кто в 86-м году были уже пожилыми - 60-70 лет - они жили очень долго, умирали своей смертью. А вот те, кому в то время было по 30-40 лет, очень сильно повысили. Причем знаете, семьями - муж и жена, муж и жена. Рак, давление, еще какие-то вещи. Почему - понятия не имею. Может только в нашей деревне есть такая закономерность, не знаю.

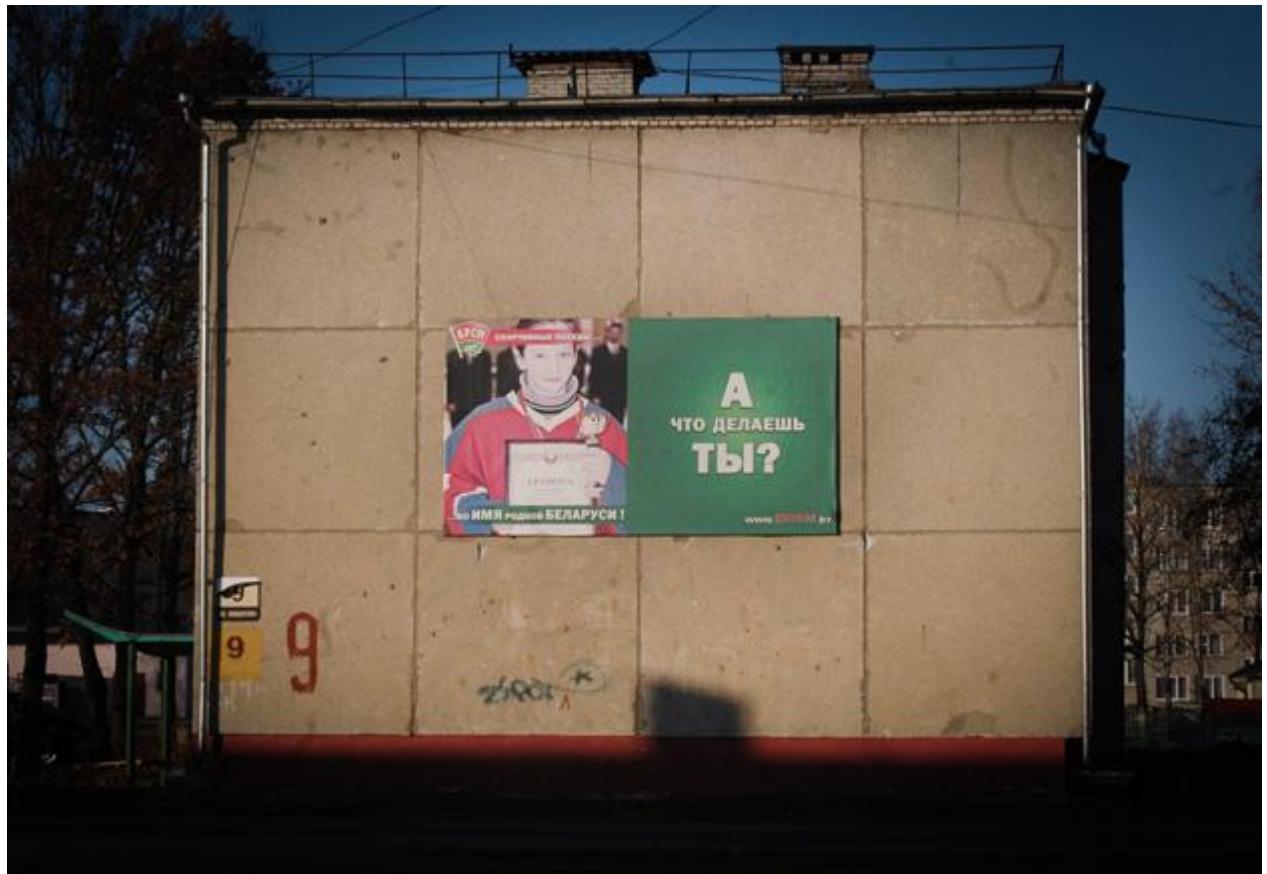

...Да, я пишу в своей газете про строительство новой АЭС. Я знаю, вы сейчас спросите: как вы к этому относитесь. Это всех волнует больше всего. Я вас очень прошу: если вам мои слова не понравятся - вы их уберите. Но только не приписывайте того, чего я не говорила.

Понимаете, нельзя все время жить в страхе. Сначала я, конечно, испугалась. А потом стала думать - чего я боюсь? Что построят станцию и она опять взорвется? Ну мы садимся в машину и едем. Мы не знаем, попадет она в аварию или нет - но мы все равно садимся. Технический прогресс не остановить. Чернобыльский синдром, конечно живет, и среди моих знакомых есть немало людей, которые считают, что АЭС загубит край. Но чем меньше люди вникают в суть дела, тем больше они боятся. Мне иногда пишут: вы такое пережили, как вы можете быть не против АЭС? И я отвечаю: лучше атомная электростанция, чем цементный завод или та же тепловая электростанция. Я помню, как мы жили рядом с АЭС. Не могу сказать, что прекрасно, но не хуже и не лучше, чем вся Белоруссия. До аварии у нас от рака умерла одна женщина, и это была сенсация.

Жители Минска очень пекутся о нашей экологии. У нас здесь и правда край непуганых птиц. Очень красиво приехать и отдохнуть. Но нам здесь жить и искать работу. Островецкий район очень маленький - 24 тысячи населения. За десять последних лет население уменьшилось где-то на 9 тысяч. В нашем прекрасном экологически чистом районе людям негде работать. Все заканчивают школы и уезжают, возвращаться никто не хочет. Каждый год на 300-500 человек меньше. Можно арифметически посчитать, через сколько лет здесь не станет района, в смысле, районного центра. А это автоматически

будет крах. Потому что не будет районной больницы, районной почты, лесничества, всех госструктур. Без градообразующего предприятия мы протянем еще лет 10-15. Я-то доживу - а дети? Сейчас многие возлагают надежды на АЭС - многие и детей посылают учиться по этой специальности, чтобы была работа потом - и рядом дети, и достойная зарплата.

Больше всего меня возмущает цинизм и двуличие литовцев. Им не нравится строительство нашей станции, потому что она на границе. Но Игналинская АЭС, которая работала до прошлого года, тоже стояла на границе в Белоруссией! И для охлаждения использовалось пограничное озеро. Ну ладно, это построено при Союзе. Но теперь они на базе той же Игналинской собираются строить свою атомную станцию. Они говорят, что они построят лучше. А наше по определению плохо. А дело-то в чем - пока была Игналинская АЭС, мы у Литвы покупали часть электроэнергии. И между прочим, когда по требованию Евросоюза ее закрыли, у них многие этим очень возмущались - она была еще совершенно работоспособна".

Малахина Евгения

10/фев/2012 10:59

Хороший редактор в Островецкой Правде.

Ум, жизненный опыт, взвешенная оценка событий. Такие журналисты и для большого издания - находка...

Denis Yusupov

26/янв/2012 21:33

Обалденный проект этот проект, Страна Которой Нет. Пять с плюсом.

Максим Бекарев

26/янв/2012 14:00

Умная женщина журналист разложила все по полочкам. Оказывается не все журналисты провокаторы. А принцип устройства атомного реактора изучают еще в школе в старших классах. При правильном строительстве и обеспечении строжайшего режима на объекте ничего не случится. Наука намного впереди чем когда строили чернобыльскую АЭС. И главное ответственность и дисциплина среди сотрудников АЭС.

Petr Borisov

24/янв/2012 19:28

А мне вообще нравятся белорусы и их Президент Лукашенко, в отличие от наших джентльменов удачи 90х годов. Вот бы его президентом объединенного государства. Да пусть строят атомную станцию. Может и в России к власти придут люди более заботящиеся о своем народе, хотя крайне сомнительно. Ну кто же награбленное отдаст без сопротивления.

Карина Туганбаева

22/янв/2012 21:20

Не люблю Литву, в принципе...

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ